

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2023.08.04

ПОСОЛЬСТВО А. В. КАУЛЬБАРСА В КУЛЬДЖУ В 1870 Г.

Зиборов Д. М.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена российскому посольству во главе с А. В. Каульбарсом, которое было направлено в Кульджу в 1870 г. Мусульманское восстание 1860-х гг. привело к падению китайской власти в Восточном Туркестане и формированию ряда государственных образований на границах Российской империи в Средней Азии, одним из которых был Илийский (Кульджинский) султанат. Ситуация на границе на рубеже 60–70-х гг. XIX века вызывала опасения российских властей, возникла идея о непосредственном вмешательстве в события, происходившие в Синцзяне, однако она была отвергнута в Петербурге. В силу этого Туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман предпринял попытку разрешить существующие противоречия дипломатическим путём и командировал в Кульджу капитана Каульбарса, задачей которого было добиться от кульджинского султана возобновления торговли в регионе, а также собрать сведения о политическом устройстве, вооружённых силах, экономике, географии и населении Кульджи. Миссия Каульбарса оказалась последней попыткой российских властей решить ситуацию мирным путём. Итоги миссии стали важным обоснованием для изменения российской политики в регионе. В результате уже в 1871 г. была предпринята военная кампания, завершившаяся оккупацией Кульджинского края, что положило начало Илийскому кризису в русско-китайских отношениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

А. В. Каульбарс, Илийский кризис, Кульджа, Русско-китайские отношения, Восточный Туркестан.

ВВЕДЕНИЕ

Ряд соглашений 50-60-х гг. XIX в., заключённых между Россией и Империей Цин (Кульджинский, Айгунский, Тяньцзинский, Пекинский договоры) заложили основы для развития торговых и дипломатических отношений в центральноазиатском регионе. Однако вскоре ситуация изменилась: мусульманское восстание привело к падению китайской власти. В результате здесь возник ряд самостоятельных государственных образований: Кульджинский (Таранчинский) и Дунганский (Урумчинский) султанаты, государство Йэттишар [2, С. 106], где власть захватил выходец из Коканда Якуб-бек, ставший единоличным правителем теократического государства со столицей в Кашгаре. Укрепив свою власть, Якуб-бек приступил к расширению подвластной ему территории за счёт захвата более мелких соседних ханств [4, С. 25–31], превратившись, таким образом, в сильнейшего правителя Западного Китая. Вызывали опасения российских властей и контакты Якуб-бека с Великобританией и Османской империей [1, С. 51]. Предпринятые в 1867–1868 гг. попытки урегулировать отношения с Кашгаром и добиться благоприятного режима торговли успеха не имели в виду того, что далее торговых отношений Россия идти не хотела, а Якуб-бека это не устраивало. Ему нужно было добиться признания Йэттишара на международной арене [4, С. 37].

Русско-кашгарские отношения были далеки от идеала, особое беспокойство вызывало подчинение Якуб-беком ряда новых земель. Он значительно расширил подконтрольную территорию и укрепил своё влияние к северу от Тянь-Шаня. Возникла опасность поглощения Кульд-

жинского султаната, правитель которого, Абель-оглы, в свою очередь, выдвигал территориальные претензии к русским властям и укрывал на своей территории преступников, бежавших из приграничных территорий Российской империи [14, С. 70].

В случае установления протектората Якуб-бека над Кульджой, его власть распространилась бы на обширную территорию, граничащую непосредственно с российскими владениями. Такое развитие событий совершенно не устраивало администрацию приграничных областей. Давая оценку обстановке, Туркестанский Генерал-губернатор писал канцлеру Горчакову о том, что существующее положение дел оставляет желать лучшего, и задавал вопрос, «какова будет безопасность и спокойствие на нашей границе, когда Кульджой овладеет предприимчивый, хитрый и честолюбивый Якуб-бек» [14, С. 71]. Допустить развитие событий по этому сценарию Россия не могла.

В мае-июне 1870 г. на границу выезжал Кауфман. Эта поездка убедила его в необходимости принятия мер для улучшения ситуации [12, С. 86]. С целью оказания давления на султана были предприняты дипломатические шаги. Осень 1870 г. в Кульджу был направлен переводчик Бородин, однако, эта попытка воздействовать на Абель-оглы результата не имела [14, С. 71]. Одновременно с этим Генерал-губернатор предписал занять Музартский перевал, являвшийся единственным проходом в Тянь-Шане, соединяющим Илийский султанат и Йэйтишар [27, С. 129]. Посчитав, неиспользованными до конца возможности дипломатического воздействия на Абель-оглы, русские власти направили новую миссию в Кульджу.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Главой посольства был назначен 26-летний штабс-капитан Александр Васильевич Каульбарс, в 1868 г. произведённый в штабс-капитаны и назначенный на службу в штаб Туркестанского военного округа, куда он прибыл уже в следующем году [18, Л. 18].

Миссия Каульбарса предполагала не только переговоры с таранчинским правителем, но и сбор сведений о Кульдже, её экономическом и политическом положении, путях сообщения и изменениях, которые произошли там после падения китайской власти. Для выполнения этих задач кандидатура Каульбарса выглядела весьма подходящей, ведь ещё до посольства в Кульджу он совершил ряд экспедиций с исследовательскими целями в приграничной местности.

В 1869 г. барон Каульбарс осуществил инструментальные съёмки местности восточнее озера Иссык-Куль [20, Л. 2], возглавлял Тянь-Шаньскую экспедицию [7], исследовавшую границы с Кокандским ханством; в сентябре 1870 г. Каульбарс совершил поездку на Музартский перевал [9, С. 176–178].

Что касается особенностей характера Александра Васильевича, то он предстаёт перед нами человеком храбрым, решительным, в чём-то даже авантюрным, который лично участвовал в рукопашных схватках с неприятелем [21, Л. 101 об.], переплывал «в виде опыта» Аму-Дарью в незнакомом месте [10, С. 170], а позднее в возрасте 63 лет самостоятельно сел за штурвал самолёта [15].

Таким образом, в 1869–1870 гг. Каульбарс предпринял ряд экспедиций в приграничных областях, в то же время его дипломатические способности сложно назвать выдающимися; такой человек прекрасно подходил для осуществления научно-разведывательной экспедиции, переговоры же мог вести по большому счёту лишь с позиции силы.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Источники по миссии Каульбарса в Кульджу можно разделить на две группы. Первая — это работы руководителя миссии, касающиеся его пребывания в Илийском султанате. Некоторые из них были опубликованы ещё в 70-е гг. XIX. К ним относится прежде всего «Поездка в Кульджу» [8] и «Заметки о Кульджинском крае» [6], опубликованные в «Материалах для статистики Туркестанского края», которые является ключевым источником информации о посольстве. Значительная часть работ посвящена изложению сведений о географии, ресурсах и населении, полученных автором в ходе его пребывания во главе миссии в Кульдже. Здесь же Каульбарс затрагивал и ход переговоров с султаном Абель-оглы, и причины, из-за которых не

удалось добиться заключения соглашения с Илийским султанатом. Из них более известной является вторая заметка, с которой работали В. А. Моисеев и Д. В. Васильев.

Кроме того, важнейшими источниками являются две записки А. В. Каульбарса, составленные по поручению Туркестанского Генерал-губернатора Кауфмана по итогам поездки. Одна из них [25, Л. 5–17] демонстрирует разведывательную составляющую миссии, содержит сведения о вооружённых силах Илийского султаната, политической обстановке в Кульдже, крепостях, путях сообщения и возможных направлениях следования русских войск при организации вторжения. Другая [21, Л. 18–28 об.] была составлена в 1871 г. и была перенаправлена Кауфманом в МИД в качестве одного из обоснований занятия русскими войсками Кульджи. В ней Каульбарс выражает точку зрения, характерную для большей части российских военных Туркестана и приводит доводы в пользу оккупации Кульджи и даже включения её в состав России. Обе записки хранятся в материалах Российского Государственного Военно-Исторического Архива (РГВИА) и до настоящего момента не использовались в работах, посвящённых Илийскому кризису, и впервые вводятся в научный оборот. К источникам этой группы можно отнести и материалы, посвящённые географии региона, собранные самим Каульбарсом или его подчинёнными во время экспедиций 1869–1870 гг., которые были опубликованы в Известиях РГО [30, С. 256].

Вторая группа источников представлена рапортами, письмами, телеграммами, журналами должностных лиц Туркестанского края, прежде всего, Кауфмана и Колпаковского, адресованные Военному министру, Министерству Иностранных дел, Туркестанскому Генерал-губернатору, а также Журналами особых совещаний [16], проходивших в 1871 г. и Журналами политических происшествий и военных действий на границе Туркестанского военного округа, находящихся в различных фондах РГВИА. Эти источники демонстрируют задачи, стоявшие перед миссией Каульбарса и её влияние на дальнейшие события в Кульдже. Источники, касающиеся биографии Каульбарса и его службы в Средней Азии до миссии в Кульджу [18] также находятся в РГВИА и позволяют сделать вывод о знакомстве Александра Васильевича с условиями региона до командировки в Илийский край.

Значительная часть перечисленных источников так же не использовалась в научной литературе, за исключением Журналов Особых совещаний и рапортов, касающихся Кульджинской экспедиции 1871 г., которые были проанализированы В. А. Моисеевым и С. В. Моисеевым в работах, посвящённых Илийскому кризису.

ЛИТЕРАТУРА

Миссия Каульбарса в Кульджу практически не исследована историками. Во многом это объясняется тем, что ее основная - дипломатическая часть окончилась неудачей, и дальнейшие события в Илийском крае были связаны уже с военной кампанией 1871 г. Соответственно в литературе на сегодняшний день встречаются лишь краткие сведения о посольстве.

О переговорах Каульбарса с таранчинским султаном Абилю-оглы пишет В. А. Моисеев в своей работе «Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.- 1917 г.)». Автор упоминает о том, что в задачу посольства входил сбор информации о положении Кульджинского ханства, обсуждение ряда спорных вопросов, касающихся прежде всего торговли и перемещении кочевого населения. Моисеев справедливо пишет о том, что султан наотрез отказался идти на восстановление русской торговли в своих владениях, связывая это с успехами Якуб-бека в борьбе с дунганями в конце 1870 г. и надеждами на его военную помощь. Моисеев кратко упоминает о миссии Каульбарса как о последней попытке разрешить имеющиеся противоречия, не прибегая в военной кампании в своей статье «К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг.» [12].

Упоминается миссия Каульбарса и в работе С. В. Моисеева «Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэттишар в 1864–1877 гг.» Автор кратко касается хода переговоров и считает, что деятельность миссии не внесла серьёзных коррективов в положение дел. Что справедливо лишь отчасти, если не брать во внимание ее разведывательную составляющую.

Помимо указанных сочинений были использованы работы, касающиеся организации разведки в этом регионе в 70-е гг. XIX. Речь идёт о статьях С. А. Фалько [28], [29] и о первом томе «Истории российской внешней разведки» [5]. В качестве справочного материала, демонстрирующего общее положение дел в регионе, были использованы сочинения М. А. Терентьева, Д. В. Васильева, Г. К. Кронгардта.

В зарубежной историографии посольство, не приведшее к подписанию какого-либо соглашения, не нашло своего отражения; интерес к политике России по отношению к Кульдже касается событий, начавшихся в 1871 г., связанных с занятием русскими войсками Кульджи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что миссия Каульбарса в Кульджу практически не затрагивалась в научной литературе. В ряде работ она упоминается в качестве весьма незначительного эпизода, относящегося к политике Российской империи в Восточном Туркестане. Причём упоминается именно дипломатическая составляющая миссии, которая действительно не принесла желаемого результата. Исследовательская и разведывательная составляющие миссии и вовсе не затрагивались в историографии. Цель данной статьи - восполнить данный пробел в изучении Илийского вопроса, тем более что сама миссия и её результаты стали немаловажным фактором оккупации Кульджи, что, собственно, и положило начало кризису в русско-китайских отношениях 70–80- гг. XIX в.

ОТПРАВЛЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА В КУЛЬДЖУ

29 ноября 1870 г. Каульбарс выехал из Верного; на следующий день все члены посольства собрались в Борохудзирском пограничном отряде, откуда уже выдвинулись в направлении Кульджи. После уведомления илийской стороны, 2 декабря 1870 г. посольство пересекло границу [8, С. 232–233].

Важнейшая задача посольства заключалась в получении от кульджинского правителя согласия на пребывание в султанате официального представителя Российской империи, с предоставлением такой же возможности представителю султана. Кроме того, посольству было поручено добиться от султана исполнения требований, предъявленных ему ранее: выдача виновных в нападении на майора Здоренко¹, выдача преступников, бежавших с гауптвахты, предоставление нашим купцам права свободной торговли в Илийской провинции [26, С. 22].

Помимо этого, миссия должна была собрать достоверную информацию о военно-политической обстановке в Илийском крае, о географии и транспортных путях региона, и договориться о снятии ограничений на вывоз хлеба, риса, каменного угля [14, С. 71–73]. Таким образом, работу посольство можно разделить на три направления.

1) Сбор общей информации о географии, населении и экономике региона, необходимые в свете того факта, что у российских властей на тот момент «имелись только отрывочные, неполные сведения» [8, С. 232] о Кульдже;

2) Дипломатическая составляющая миссии, выполнение которой заключалось бы в урегулировании имеющихся противоречий и пограничных инцидентов, разрешении торговых вопросов;

3) Анализ политической и военной обстановки в Кульдже ввиду падения там китайской власти и формирования нового государственного образования, территория которого непосредственно граничила с подвластными Российской империи землями.

В соответствии с данными направлениями работы миссии и рассматривается деятельность посольства в настоящей статье.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Нельзя сказать, что к 1870 г. Кульджа была некоей terra incognita. С начала XIX в. отдельные русские подданные проникают в Кульджу. С 1830-х гг. Русские купцы ведут торговые дела в

¹ Нападение это было совершено в августе 1870 г. на российской территории. Майор Здоренко был ранен и ограблен, а нападавшие после этого разграбили станцию и угнали лошадей. Этот инцидент являлся одной из причин отправления посольства Каульбарса.

городе, в 1845 г. Кульджу посетил вице-директор Азиатского департамента МИД Н. И. Любимов. В 1851 г. был заключён Кульджинский трактат, регулировавший торговлю в регионе, по которому в Кульдже и Чугучаке учреждались российские консульства для защиты торговых интересов российских подданных. В середине века Кульджу посетили А. Т. Путинцев, Ч. Ч. Валиханов, П. Я. Рейнталь, описавшие актуальную на тот момент обстановку [2, С. 96–101]. Торговые дела интересовали в первую очередь и Любимова, сообщавшего в своих донесениях о торговле в Чугучаке и Кульдже, а также о путях сообщения, по которым двигаются караваны, преимущественно из Ташкента [3].

Однако к 1870 г. данные о торговле потеряли актуальность, ввиду изменения политической ситуации на границе, тогда как сведения об экономике и населении региона имелись лишь отрывочные, которые к тому же могли претерпеть серьёзные изменения после падения в регионе китайской власти (например, практически не осталось китайцев и маньчжуров, составлявших незначительный процент населения, но занимавших ведущие управленческие должности при Цинах). В связи с этим данные, предоставленные посольством, о Кульдже представляли значительный интерес для российских властей.

По итогам своего пребывания в Кульдже Каульбарс составляет, пожалуй, наиболее подробное на тот момент описание географии, населения, экономики региона. В заметке «О Кульджинском крае» он приводит данные о горах, которые практически не исследованы на тот момент и в большинстве своём даже не имеют названий, о реках и их истоках, о горных озерах, о болотах. Эта информация была новой на тот момент, ведь даже точных сведений о главной водной артерии – реке Или практически не было [6, С. 118–121].

После краткого сообщения о географии Каульбарс переходит к описанию путей сообщения, выделяя шесть основных дорог, три из которых представляют собой колёсные пути. Каульбарс признавал, что «к сожалению, у нас имеются точные маршруты не всех этих путей, а только для двух направлений» [6, С. 137]. Поэтому информация, собранная по этому вопросу Каульбарсом, является едва ли не первыми достоверными данными, добытыми русскими путешественниками о дорогах региона.

По мнению Каульбарса, Илийская долина и окаймляющие её горы богаты природными ресурсами. Он говорит о наличии месторождений соли, медных и железных руд, серы, золота (в районе города Суйдун) [6, С. 119–121]. В целом он отмечает богатство региона полезными ископаемыми, что, по его мнению, позволяет отнести бассейн реки Или к числу «самых богатых стран Средней Азии» [6, С. 133]. Более того, позднее Каульбарс доказывал, что русским властям стоило бы оставить за собой Кульджу, недра которой изобиловали природными богатствами [21, Л. 27].

Отдельно останавливается Каульбарс на пёстрой этнической картине региона. По его сведениям, основных национальностей в Кульдже – шесть: таранчи, дунгане, киргизы, китайцы, калмыки и сибо, и власть султана пользуются поддержкой лишь первой из них [6, С. 118–131]. Помимо этого, он отмечает, что таранчи «ничем не отличаются» от основного населения Йэйтишара. Данный факт делает разделение этих государственных образований искусственным и создаёт предпосылки для притязаний Якуб-бека на территорию Илийского края [6, С. 124–125]. Завершается данный этнографический обзор описанием основных народностей края, их быта, внешнего облика, обычаев, религиозных верований [6, С. 122–133]. Общую численность населения Кульджинского султаната Каульбарс оценивает в 100 тысяч человек [25, Л. 5]; эти цифры оказались весьма точными и практически совпали с данными, полученными после занятия Кульджи, согласно которым население составило 102 тысячи человек [21, Л. 149 об.].

В завершение Каульбарс даёт описание промышленности и аграрного сектора, которые, впрочем, находятся на низком уровне развития (выделяется лишь изготовление льняного и кунжутного масла, сельское хозяйство находится на примитивном уровне) [6, С. 143–146] и, в отличие от природных богатств, не представляют значительно интереса. То же касается и торговли, которая после падения китайской власти в Кульдже слабо развита [6, С. 141].

Таким образом, миссия Каульбарса предоставила ценные и на тот момент наиболее актуальные данные о географии, экономике и населении Кульджинского края. Впоследствии признавалось, что сведения Каульбарса представляли собой «первые более подробные и обстоятельные данные об этом полукитайском, полумусульманском владении» [8, С. 232].

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОСОЛЬСТВА

После пересечения границы миссия в сопровождении таранчей постепенно продвигалась в направлении к Кульдже. Недоброжелательное отношение к посольству со стороны Абилю-оглы проявилось ещё до прибытия посольства в столицу: султан потребовал остановиться в городе Суйдуне, отправить вручённое Колпаковским письмо, а также словесно передать ему цель приезда русской миссии. Подобные требования вызвали раздражение Каульбарса, объившего посланцам султана о том, что он лично передаст правителю Илийского края письмо и переговорит о делах, «клонящихся к установлению между ними дружественных отношений» [8, С. 238].

Каульбарс передал султану, что если в течение 8 часов не будет получено приглашение прибыть в Кульджу, то он возвратится обратно, не исполнив ни одного из поручений, что может привести к осложнению и без того непростых отношений. Подобное приглашение поступило только на следующее утро, когда миссия уже собиралась ехать обратно [8, С. 238].

Возможно, сопровождающие миссию таранчи получили инструкции от своего султана, либо же и так понимали его отношение к посольству. Так или иначе, они избегали разговоров и «выказывали некоторое пренебрежение» по отношению к русским посланникам [8, С. 240].

Игнорирование русской миссии со стороны султана продолжилось и по прибытии Каульбарса в г. Кульджу. В день приезда посольства, 7 декабря 1870 г., оказалось, что Абилю-оглы находился не в столице, а «где-то на охоте» [8, С. 241]. В течение последующих двух дней местные чиновники неизменно сообщали русскому посольству, что султана нет в городе, и встреча откладывалась раз за разом. При этом Каульбарс располагал сведениями, что на самом деле султан находится в г. Кульдже [8, С. 241].

Лишь на третий день, когда Александр Васильевич распорядился приготовиться к отъезду, прискакал гонец с новостью, что султан приехал и желает принять посольство [8, С. 241]. Все эти шаги, безусловно, недвусмысленно показывали отношения султана к русской миссии и внушали серьёзные опасения насчёт итогов дипломатической поездки. Султан радостно принял предложение организовать в Верном постоянное представительство. Напротив, на все предложения о предоставлении купцам права свободной торговли Абилю-оглы отвечал уклончиво и вообще избегал «решительных» ответов. Каульбарс усматривает в этом желание скрыть «естественные богатства страны, из опасений завоевательных замыслов русских» [8, С. 243]. Однако нельзя не заметить нежелание султана вообще вести переговоры и связывать себя какими-либо обязательствами. Видимо успехи Якуб-бека в борьбе с дунганями в конце 1870 г. и надежды на военную помощь с его стороны делали позицию кульджинского султана столь неуступчивой, а поведение вызывающим [13, С. 111].

С другой стороны, сам Каульбарс был сторонником более жёсткой линии в отношении Абилю-оглы. Он выступал против выжидательной политики, считая, что такая линия поведения наносит вред российским интересам. По его мнению, следовало прибегнуть к «более энергичным и решительным мерам» [21, Л. 27 об.]. Однако при этом Каульбарс в 1870 г. не был сторонником незамедлительного военного вмешательства. Мирное решение конфликта могло быть осуществлено, по его мнению, но только в случае предоставления уступок в торговом отношении и обеспечении безопасности российских подданных. Заключение подобного договора было бы «первым важным шагом к будущему распространению нашего влияния» [21, Л. 28]. Иными словами, Каульбарс считал, что от применения военной силы кульджинского султана могло спасти лишь принятие российских условий. Однако прийти к согласию сторонам не удалось.

Рассмотрение дела о нападении на майора Здоренко и вовсе затянулось, не приведя ни к какому результату [8, С. 243]. Негодование русской миссии вызвал и инцидент с конфиденциальным письмом, которое было «распечатано и вероятно прочтено» [8, С. 246–247]. Недовольство султана вызвало и стремление Каульбарса взять с собой русского подданного, задержанного перед этим в Кульдже; лишь отказ посольства покинуть пределы города без него вынудил Абилю оглы пойти на уступки [8, С. 248] и согласиться исполнить требования российских властей, что впрочем не было никак зафиксировано, а в скором времени после отъезда членов миссии таранчинский султан и вовсе отказался выдать беглых преступников, не дал согласие на возобновление торговли и «даже осмелился заявить свои притязания на р. Борохудзир, составляющую границу Семиреченской области с Китаем и потребовал удаления нашего отряда с Музарта, угрожая принудить нас к тому силой» [19, Л. 8–8 об.].

Таким образом, и без того скромные результаты дипломатической составляющей миссии были сведены на нет, что, вероятно, и убедило Кауфмана в бесперспективности попыток воздействия на таранчинского султана и утвердило его во мнении о необходимости проведения военной кампании, которая в итоге будет санкционирована на апрельском Особом Совещании в 1871 г. [24, Л. 11–14].

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИССИИ

Значительное место в миссии Каульбарса в Кульдже занимала разведывательная составляющая. Особый интерес представляют данные о политической и военной обстановке в крае, ввиду того, что дипломатическая часть миссии завершилась неудачей. Информации о положении дел в Кульдже практически не было и в период китайского господства. После же падения маньчжурской власти и вовсе сложился некий информационный вакуум. Усугублялось это тем, что лишь к началу XX в. российская разведывательная служба приобретает более или менее организационно оформленные структуры [5, С. 226]. В 60–70-х годах XIX в. Военное министерство предпринимало попытки создать собственную систему получения информации военного характера из-за рубежа. Однако речь шла на тот момент только о европейских столицах, Вашингтоне и Константинополе, куда были направлены военные агенты. Азия на тот момент рассматривалась в качестве региона, не нуждающегося в пристальном внимании, поэтому, и назначать российских агентов в Пекин считалось нецелесообразным [29, С. 137]. Данные, полученные из Китая, нередко основывались на непроверенных слухах и домыслах, а из неподконтрольной Пекину Кульджи и вовсе не могло поступать в такой ситуации никакой внятной доверие информации.

В этих условиях наиболее точная информация могла быть получена так называемыми военно-научными экспедициями, ведь генштабисты, руководители экспедиций, были наиболее подготовлены для разведки в специфической обстановке, когда азиатские лазутчики не давали качественной информации из-за низкого образовательного уровня [28, С. 224]. Так, должностные лица приграничных областей в конце 1860-х гг. сетовали на то, что поступающие сведения «так преувеличены, что, пересказывая их, трудно сделать какой-либо правильный вывод» [23, Л. 51]. Исходя из этого штабс-капитан Каульбарс, недавний выпускник Академии Генерального штаба, имевший опыт проведения военно-научных экспедиций в приграничных районах Средней Азии являлся прекрасной кандидатурой именно для получения актуальных разведывательных данных.

Миссия Каульбарса должна была дать ответы на вопросы, касающиеся Илийского края, и её результаты могли продемонстрировать, с какими сложностями предстоит столкнуться в дальнейшем в случае принятия решения о применении силы. По результатам поездки в Кульджу Каульбарсом была составлена аналитическая записка о политическом положении в султанате и состоянии его вооружённых сил.

Каульбарс писал о том, что только часть территории на практике подчинена султану (прежде всего, речь идёт о бассейне реки Или), другая же часть султаната «находилась в довольно неопределённом положении» [6, С. 117]. Он однозначно оценивал Кульджинский султанат как самое слабое из среднеазиатских государств, которое сохраняло свою независимость

только в силу географических условий (под ними он понимает «почти неприступные горы», которые отделяли его от «единоплеменного ему могущественного Алтышара» [25, Л. 5–5 об.] и «случайных политических обстоятельств», имея в виду разрозненность более развитых дунганских городов и российскую политику невмешательства. По его мнению, само существование на наших границах этого государственного образования являлось вредным, а в случае захвата его Якуб-беком Кульджа и вовсе могла «сделаться постоянным источником зла» [25, Л. 5 об.]. Таким образом, по его мнению, необходимо было прибегнуть к военному вмешательству, занять Кульджу, ликвидировать султанат, в условиях, когда «завоевание Кульджинского ханства не могло представить особых трудностей» [25, Л. 27].

В обоснование этого он описывал вооружённые силы Илийского султаната, приводил информацию об их численности, расположении, принципах формирования, вооружении, снабжении, фортификационных сооружений и т. д. Войска, подчинённые Абель-оглы, были представлены силами «народных ополчений», вызываемых в случае войны, небольшим числом войск, занимавших пограничные отряды и отборным подразделением, составлявшим отряд султанских телохранителей, называемых «Каска».

Основную массу войск составляли ополченцы, набираемые из представителей всех народов, населяющих Илийскую долину. При этом руководящие должности были заняты таранчами, к которым прочие народности относились враждебно, впрочем, как и по отношению друг к другу. «К недостаткам в этом отношении всякого народного ополчения присоединяется здесь ещё разнородный состав войск из враждебных друг другу национальностей. При таких условиях стойкость немыслима, и дисциплина до поры до времени поддерживается лишь страхом» [25, Л. 9], – писал глава миссии по поводу войск вероятного противника.

Пограничные отряды были представлены небольшими группами, численностью от 15 до 300 человек, размещавшихся в курганах (глиняных редутах). Все эти отряды состояли из вооружённых граждан, обязанных на весьма непродолжительный срок отбывать военную службу. Что касается вооружения этих отрядов, то Каульбарс отмечал острую нехватку огнестрельного оружия. Так, пограничные отряды, численностью 50 человек, имели на вооружении лишь 7–10 ружей [25, Л. 6 об. - 8].

Неким подобием регулярных войск автор называл лишь отряд султанских телохранителей, который насчитывал порядка пятисот человек. Впрочем, сам Каульбарс считал эту цифру завышенной вдвое. Отряд этот состоял из пехоты и кавалерии, имел лучшее обмундирование и вооружение (фитильные ружья), и в целом обладал «некоторой подготовкой к действию в массе и, вероятно, в пешем строю» [25, Л. 6 об.].

Постоянную численность вооружённых сил Каульбарс определял в 1000 человек, а мобилизационный ресурс в 10–15 тысяч, однако в подобном случае войско потеряло бы всякую организацию, дисциплину и боеспособность. Вооружение вероятного противника было отсталым и состояло из пик, фитильных ружей, луков (преимущественно ими вооружены были сибиряки и калмыки), сабель; огнестрельное оружие встречалось редко. Несколько лучше обстояли дела с артиллерией: таранчи от китайцев наследовали медные пушки, которые употреблялись на валах и составляли полевую артиллерию. Устройство полевой артиллерии Каульбарс называл «весьма удовлетворительным» [25, Л. 7 об - 8].

Исходя из вышеизложенного столкновение в открытом бою представлялось маловероятным, поэтому уделялось особое внимание крепостям султаната, их расположению, гарнизонам. Осада местных крепостей не должна была вызвать заметных затруднений. Это объяснялось, во-первых, тем, что они не отвечали современным требованиям войны и были не в состоянии противостоять огню артиллерии, а во-вторых, тем, что наиболее укрепленные были поселения дунган, которые находились во враждебных отношениях с султаном и не намеревались оказывать серьёзного сопротивления. В то же время, собственно, таранчинские поселения (кенты) плохо защищены или не защищены вовсе (за исключением Кульджи, стены которой, впрочем, так же были не в состоянии защитить от огня артиллерии) [25, Л. 9–13 об.].

Завершал автор записку стратегическим обзором путей ханства «в применении к наступлению». В случае войны с Кульджой предполагалось движение по четырём главным направлениям: с юга из долины Текеса, с запада двумя путями по обеим берегам Или и с севера. При этом первые три пути по удобствам передвижения по ним войск могли служить главными операционными направлениями, последний мог играть только второстепенную роль.

Предпочтительный период для проведения кампании - тёплое время года, когда пути следования войск хорошо снабжались кормами и водой, а вероятные сложности при форсировании р. Или нивелировались мелководьем и возможностью перехода реки в брод. Сам путь не представлял значительных препятствий: расстояние до Кульджи от из опорных пограничных пунктов оценивается 150 до 200 вёрст в условиях достаточного количества провианта летом [25, Л. 9 об. - 12].

Таким образом, главный вывод о положении дел в Илийском султанате и состоянии его вооружённых сил можно выразить фразой Каульбарса, с которой он, собственно, и начал свою записку: «Военные силы Кульджинского ханства состоят из сброда всех национальностей, обитающих его. Народы эти относятся друг к другу враждебно» [25, Л. 5]. Военная кампания представлялась желаемым действием со стороны российских властей, которое не должно было встретиться значительных препятствий.

ПОСЛЕДСТВИЯ МИССИИ КАУЛЬБАРСА

Неудача дипломатической составляющей посольства вкупе с получением актуальной информации о ситуации в Кульдже, свидетельствующей о слабости местного султана и неустойчивости его власти, укрепили Кауфмана во мнении о необходимости изменения политики по отношению к Илийскому султанату и проведения военной кампании.

В апреле 1871 г. состоялось очередное особое совещание, главным решением которого стало одобрение ввода войск на территорию Кульджинского султаната. Мера эта рассматривалась в качестве временной, и предполагался вывод войск из Илийского края «по восстановлению с нашей помощью полного спокойствия» в регионе и передачи управления китайским представителям [22, Л. 15–19].

Кроме того, очевидно, что разведывательные данные посольства использовались при проведении военной кампании генерала Колпаковского. Копия расспросной карты, составленной Каульбарсом, была разослана для раздачи отрядам на театре боевых действий [22, Л. 28 об.]. Сам Александр Васильевич также принял непосредственное участие в кампании, командуя авангардом [22, Л. 90–115 об.].

Летом 1871 г. генерал Колпаковский предпринял наступательное движение на Кульджу, завершившееся низложением Абель-оглы и оккупацией Илийского края [17, Л. 24 об. – 25], что породило так называемый Илийский кризис в русско-китайских отношениях, который достиг своего апогея в 1879–1881 гг., поставив стороны на грань военного столкновения. При проведении кампании подтвердились данные Каульбарса о состоянии вооружённых сил Илийского султаната. Кампания прошла успешно, с минимальными даже по меркам среднеазиатских походов потерями. Войска Абель-оглы оказались немногочисленными, слабо организованными и плохо вооружёнными. Дунганские крепости не оказали значительного сопротивления, предпочтя сложить оружие. Сам поход состоялся летом, в наиболее подходящий, по словам Каульбарса период для движения к Кульдже.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Басханов М. К. Османская Турция и государство Якуб-бека. // Двадцать третья научная конференция «Общество и государство в Китае». М. 1991.

2. Васильев Д. В. Предел империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России, вторая половина XIX в.: к 300-летию Российской империи, 1721–2021 / Д. В. Васильев, Р. Ю. Почекаев, С. А. Асанова; под общей редакцией Д. В. Васильева. СПб.

3. Веселовский Н. И. Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева / Н. Веселовский. - Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщ., 1909. - 52 с., 1 л. портр..
4. Исиев Д. А. Уйгурское государство Йэйтишар (1864–1877). М.: Наука. 1981.
5. История российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. - Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. - М.: Международные отношения, 2018. - 240 с., ил.
6. Каульбарс А. В. Заметки о Кульджинском крае // Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник / под ред. Н. А. Маева. Вып. III. СПб.: б.и. 1874.
7. Каульбарс А. В. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 г. членом-учредителем Средне-Азиатского общества бароном А. В. Каульбарсом. // Записки Императорского Русского Географического общества. 1875. Т. 5.
8. Каульбарс А. В. Поездка в Кульджу // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. II. СПб. 1873.
9. Каульбарс А. В. Поездка на Музартский перевал в Тянь-Шане в 1870 г. // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1871. Т. 7.
10. Колокольцев Д. Г. Экспедиция в Хиву в 1873 г. От Джизака до Хивы (Походной дневник). (Окончание) // Военный сборник. СПб. 1873. № 9.
11. Милютин А. Д. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868–1873 // Под ред. Захаровой Л. Г. М. 2006. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 736 с.
12. Моисеев В. А. К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 2. Сборник научных статей под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: Азбука. 2000.
13. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. - 1917 г.). Барнаул: Азбука. 2003.
14. Моисеев С. В. Взаимоотношения России и уйгурского государства Йэйтишар (1864–1877 гг.). Барнаул. 2006.
15. Проскурин В. Н. Меридианный круг барона Каульбарса // <https://vernoye-almaty.kz/studies/kaulbars.shtml?ysclid=lkjtsqgaia199236075>
16. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 305.
17. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 332.
18. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 17408.
19. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6809.
20. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6822.
21. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6839.
22. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 2. Д. 6842.
23. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 45.
24. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 64.
25. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 77.
26. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова. 1906.
27. Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Типография П. П. Меркульева. 1875.
28. Фалько С. А. Деятельность российской разведки в Китае в 70-80-х гг. XIX в.: проблема оценки вооруженных сил Цинской империи // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2010. – № 908: Сер. Історія. – Вип. 42. – 420 с. с. 220–230.

29. Фалько С. А. Российская военно-дипломатическая служба в Китае в эпоху правления Александра III (1881–1894 гг.) // Клио: Журнал для учёных: Journal for scientists. 2015. № 2 (98). С. 136–145.

30. Штубендорф О. Э. Рецензия действительного члена общества О. Э. Штубендорфа // ИИРГО. 1875. Т. 5.

EMBASSY OF A.V. KAULBARS TO KULDZHA IN 1870

Ziborov D. M.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The article is devoted to the Russian diplomatic mission headed by A.V. Kaulbars, which was sent to Kulja in 1870. The Muslim uprising of the 1860s led to the fall of Chinese power in East Turkestan and the formation of a number of state entities on the borders of the Russian Empire in Central Asia, one of which was the Ili (Kulja) Sultanate. The situation on the border at the turn of the 60 – 70s of the XIX century caused fears of the Russian authorities, the idea of direct intervention in the events that took place in Xinjiang appeared, but it was rejected in St. Petersburg. Because of this, the Turkestan Governor-General von Kaufman attempted to resolve the existing contradictions by diplomatic means and sent Captain Kaulbars to Kulja, whose task was to get the Sultan of Ili to resume trade in the region, as well as to collect information about the political structure, armed forces, economy, geography and population of Kulja. The Kaulbars mission turned out to be the last attempt by the Russian authorities to resolve the situation peacefully. The results of the mission became an important justification for changing Russian policy in the region. As a result, in 1871 a military campaign was launched, which ended with the occupation of the Kulja. It marked the beginning of the Ili crisis in Russian-Chinese relations.

KEYWORDS

A. V. Kaulbars, Ili crisis, Kulja, Russian-Chinese relations, East Turkestan.